

III. PHILOLOGICAL SCIENCES

DOI 10.26886/2520-7474.2(40)2020.7

UDC 811.16-112

MISCELLANEA ETYMOLOGICA: SLAVICA. II

A. I. Iliadi, Doctor of Philological Sciences

Volodymyr Vynnychenko Central Ukrainian State Pedagogical University,
Ukraine, Kropyvnyckiy

alexandr.iliadi@gmail.com

The paper deals with the etymological interpretation of Slavonic dialectal words, which earlier did not become visible to other researchers or were not satisfactorily explained in special literature. Observation about the structure of mentioned words has enabled the author to make several conclusions. 1. Some of mentioned Slavic words show archaic features, which reveal Proto-Slavonic age of these lexemes (відь, віра, віритися, масéца, чукірни(ў), чумак, чупірда́ти, чумі́ти). 2. Meaning of a few dialectal words keeps relicts of older system of semantic relations, existed in the epoch of Slavic-Iranian language contacts (Transcarp., Boyk. боэ, dial. of the Dnieper закон). 3. Ways and prototypes of borrowings from the non-Slavic languages may be and should be clarified by usage new dialectal lexemes in scientific circulation (East Slavic казнá). 4. One of viewed examples shows an interesting peculiarity of Slavic languages lexical-semantic system, to wit, deonymisation of Christians (calendar) names. In so doing semantic range of newly formed appellatives is limited with scope of characteristic of external appearance of a person and its intellectual features (σαπετόν).

Key words: etymology, word formation, derivative, semantics, Slavic.

доктор филологических наук, Илиади А. И. Miscellanea etymologica: Slavica / Центральноукраинский государственный педагогический университет имени Владимира Винниченко, Украина, Кропивницкий.

В статье предложена этимологическая интерпретация группы славянских диалектных слов, которые ранее либо не попадали в поле зрения исследователей, либо не получили удовлетворительного истолкования в профильной литературе. Наблюдение за структурой указанных лексем позволило автору прийти к нескольким выводам.

1. Некоторые из упомянутых славянских слов обнаруживают архаичные особенности, выдающие в них единицы праславянского возраста (відь, віра, віритися, масéса, чукірни(й), чумак, чупірда́ти, чуті́ти). 2. Семантика нескольких диалектных слов сохраняет реликты старой системы смысловых отношений периода славяно-иранских языковых контактов (закарп., бойк. бог, поднепр. закон). 3. Пути, прототипы заимствований из неславянских языков могут уточняться при введении в практику этимологии новых фактов (вост.-слав. казнá). 4. Один из примеров показывает интересную особенность лексико-семантической системы славянских языков – деонимизацию крёстных антропонимов, причем семантический диапазон новообразованных имен нарицательных оказывается ограниченным характеристикой внешних признаков человека или его интеллектуальных свойств (сапетóн).

Ключевые слова: этимология, словообразование, дериват, семантика, славянский.

Вступительные замечания. Этимологическое исследование лексики славянских языков было и остается ведущей отраслью историко-языковых разысканий наряду со сравнительно-историческим. В то время, как прочие лингвистические дисциплины переживают кризис идей и сталкиваются с серьезной проблемой целесообразности дальнейшей работы в традиционных для них рамках, этимология, не сбавляя темпов, выполняет программу, прописанную еще учеными

александрийской школы и «отредактированную» в XIX ст. создателями сравнительно-исторического метода, выросшего из суммы этимологий и техники грамматического описания языка. Современная славянская этимология развивает идеи «отцов-основателей», формулирует новые задачи, на новом качественном уровне обобщает уже известные данные и, конечно, дает предварительную оценку новому материалу. В зачет этимологии последних десятилетий, помимо прочего, следует поставить глубокую разработку проблемы лингвистических контактов древних славян, совершенствование практических приемов этимологической лексикографии (наиболее показательны в этом отношении продолжающийся фундаментальный проект группы авторов ЭССЯ, работы А. Е. Аникина, В. Борыся, М. Сноя и М. Фурлан), этимологическую экспертизу тематических групп диалектной лексики и описание генетических (словообразовательно-этимологических гнезд). Естественно, что успех этимологических опытов напрямую зависит от состояния фактологической базы, значительный сегмент которой представлен диалектной лексикой. Поскольку архаично само понятие диалекта как формы языка, обслуживающего определенную социально-историческую формацию, архаичен и его словарный репертуар, где имеются отсылки к системе еще праславянских диалектных отношений, сохраненных в виде пучков сепаратных изоглосс. Эти последние далеко не всегда отражены памятниками письменности, поэтому важность накопления лексического материала народных говоров имеет едва ли не первоочередную значимость в подготовительном этапе этимологического исследования и при оценке древнейших лексических связей с родственными и неродственными языками.

Задачей предлагаемых ниже этимологических этюдов является анализ славянской лексики, не отраженной в этимологических словарях или не получившей в них должной оценки. Смеем надеяться, что

изложенный в статье опыт окажется полезным для заполнения некоторых лакун в историко-лексикологической интерпретации диалектного вокабулярия.

Анализ материала.

1. Бойк. *бог*, помимо известных славянскому словоупотреблению семем 'бог', 'икона', показывает еще 'знахарь' и 'колдун', 'чародей' [13, с. 62]. Сомнительно, чтобы эти последние возникли в речевом обиходе бойков-христиан: в их религиозном сознании подобное обнижение семантики сакрального термина *бог* было бы просто кощунственным (но (!) в отношении *бог* 'икона' их бытовая речь допускает контекст, шокирующий отсутствием пиетета к этой реалии и лексическим окружением самого термина, ср. диалог «Агій, а шчо-с купила? – Та бога. – Та бо йакис кривоносий. – Е, най го чорт бере, аби на стіні висів» [13, с. 62]). Скорее, мы имеем семантический архаизм, удержанный на периферии славянского ареала в условиях архаичного быта местного сообщества. Значения 'знахарь', 'колдун', 'чародей' отсылают нас к очень старому состоянию семантики этимологического гнезда с основой псл. **bog-* : иран. **bag-* 'наделять, распределять (долю), дарить': она мотивировала название доли, участи, судьбы, позднее персонифицированное в 'Бог (божество богатства, благополучия)', ср. иран. **baga-* 'то же' → 'божество, Бог' [16 (2, с. 48)]. И в толковании перечисленных семем нужно исходить именно из первичных 'участь', 'судьба', 'доля' (ср. рус. *у-бóгий* как лишенный своей доли в общем благе, обездоленный) для **bogъ*, понимая 'знахарь', 'колдун', 'чародей' как 'предсказатель судьбы' или же с оглядкой на лур. *baxt* 'счастье' и 'клятва, заклинание' [16 (2, с. 52)], как 'заклинатель'.

2. Закарп. *бог* 'бог' и 'раздолье' («Діти скáčут, то йіх бог, йак нимá учителів») [3, с. 259], как и бойк. *бог* (см. выше), сохраняет отголоски древних семантических отношений внутри гнезда с корнем **bog-*. В

определенно старом значении 'раздолье' (простор) угадывается семантический дериват от базового 'доля', и этот же смысловой сдвиг представлен в иранском сегменте славяно-иранского этимологического гнезда псл. **bog-* : иран. **bag-* 'наделять, распределять (долю), дарить', ср. **bāga-* 'доля, часть' и '(земельный надел)', а также позднее значение 'сад' в таких рефлексах, как: авест. г. *bāga-* 'доля, пай' и др.-перс. **bāga-* 'земельный надел; участок земли', ср.-перс. *bāg* 'сад', хс. *bāysa-* 'роща, лес' и пр. [21 (2, с. 51–52)]. Полагаем, что цепочка 'доля' → 'земельный надел, участок земли' → 'раздолье (личный простор, своя земля)' (слав.)/'сад', 'роща, лес' (иран.) принадлежит к разряду общих для иранского и славянского лексико-семантических инноваций; она укладывается в рамки единого клише и, видимо, является одним из штрихов к характеру древних культурных контактов обеих культур.

3. Бойк. *відь* [*vid'*] миф. 'нечистая сила' («А від' бы т'а ўт'ала!», «Від' би т'і втіла!», «Від' іде горі мнов») [13, с. 125]. Карпатизм имеет близкие формально-семантические аналоги в серб. диал. *веда* 'некое лесное мифическое существо', в сложении *kūku-vēda* 'страшилище, которым пугают маленьких детей, бабарога', *вед/вјед*, пом. рл. *в(ј)еду* 'огромное существо (мужского или женского пола) в просторных лесах Билогоры', болг. *веда* 'мифическое женское существо', которые справедливо относят к рефлексам псл. **vēda* от **vēdēti* 'знать' [14, с. 13–14], впрочем, без необходимых комментариев их значения (о болг. слове подробно см.: [5, с. 83–84]). Фонетический облик бойковской лексемы однозначно указывает на псл. прототип **vēdь, -i* – парадигматический вариант с *ǐ*-основой к **vēda ~ *vēdēti, *vēdati*. Ср. еще др.-рус. *вѣдь* 'знание, сведение', 'знахарство' [19 (1, с. 480)].

Семантика мифонимов не является помехой для их включения в праславянское словообразовательное гнездо с корнем **vēd-*, т. к. названия демонических существ нередко оказываются

семантическими дериватами от 'колдун', 'ведун', 'ведьма', ср. однокоренные болг. диал. *вѣда* 'ведьма' и 'самодива, русалка', слвн. *védavec, védavek, védomec, védovec* 'волшебник, колдун, чародей' и 'сверхъестественное существо, способное принимать различные образы', 'вампир', кашуб. *véšči* 'ясновидец' и 'вампир (рождается «в рубашке»)» [5, с. 83–85], рус. диал. *вѣщица* 'колдунья, гадалка, ведьма' и 'оборотень' (по местному поверью, нечистая сила, лесной дух, часто в образе красиво окрашенной белки или бесхвостой сороки'); далее ср. *вѣрог* 'знахарь', 'колдун' и 'леший' [18 (4, с. 228–229; 5, с. 108)]. Этот семантический перебой известен и за пределами славянского, ср. тур., гаг. *жады* 'ведьма', 'злая женщина' и 'вампир', тур. 'баба-яга' ([22, с. 195–196]: дальнейшее развитие 'чародей, волшебник, колдун, маг', 'чары, волшебство' у персидского заимствования в тюркских языках), а также с обратным соотношением 'демон' → 'колдун' в осет. диг. *ævdew* 'демон' в выражении *ænaхur ævdewæj ахур ævdew хwæzdær æj* «лучше ученая колдунья, чем неученая» (?) [1 (1, с. 199)].

Формальная сторона объяснения также не встречает возражений: среди производных от **věd-*, помимо названий колдуна, ведьмы, оформленных суффиксами, как, напр., др.-рус. *вѣдоунъ* 'колдун, знахарь', *вѣдьма* 'колдунья, волшебница', *вѣщица* 'колдунья' [19 (1, с. 480, 503)], др.-чеш. *věšćicě* 'колдунья', 'гадалка' [23, с. 376], чеш. *věštkyňě* 'то же' и др., наличны также и, видимо, более древние бессуффиксные, ср. др.-чеш. *věd, -i* 'ведьма, колдунья, чародейница' [23, с. 374] и *věd* 'колдун, которому приписываются лунные и солнечные затмения' (приведено по: [5, с. 83]), а также (с *ā*-основой) др.-чеш. *věda* 'ведьма' (у И. И. Срезневского в статье *вѣдьма*), болг. диал. *вѣда* 'ведьма' (см. выше).

Стало быть, карпатская и балканские лексемы показывают семантическую инновацию 'чудовище, страшилище', 'нечистая сила'

относительно 'ведьма, колдунья', и возможным промежуточным звеном в цепочке семантического развития могли быть *'кто водится с нечистой силой' и 'оборотень' (= 'наполовину человек и наполовину нечистая сила, чудовище'). Рассмотренная группа форм интересна еще тем, что сохраняет корреляцию архаичного бессуффа. *věďь, *věďa 'колдун(ья), чародей(ница)' > 'чудовище', 'нечистая сила' VS *věďavьсь, *věďovьсь, *věďomьсь, *věštjь, *věštjica 'то же'.

4. *Bípa*, -*u* – ручей, п. Кирнички л. Ятрани п. Синюхи л. Южного Буга [10, с. 45] воспроизводит псл. *věra – обратное производное от *-*věрати* – итератива к *verti 'гнуть, плести'. Стало быть, семантика номинации в общих чертах восстанавливается как *'изгиб, излучина', 'колени'. В пользу сказанного, как будто, говорит отыменный диал. глагол *vírutися* 'изгибаться, коробиться (о доске)' (см. след.).

5. Диал. *vírutися* 'изгибаться, коробиться (о доске)'. Авторы ЕСУМ в толковании ограничиваются предположением о связи с диал. *верий* 'кривой' [6 (1, с. 403)], чего недостаточно т.к. не прояснены нюансы фонетики и словообразования. Между тем, глагол (изначально префиксальный) являет пример морфонологического варьирования псл. *verti 'гнуть', 'связывать' > *-*věрити* 'коробить, гнуть' – итеративная форма с развитием ступени удлинения гласного в корне (е > ē), как в приставочных *po-věрати (~ *verti), *-*běрати* (~ *berə, *byрати), *-*těрати* (~ *terti), *-*gněтати* (~ *gnesti) [2, с. 30, 103–104, 110–111].

6. Диал. *закón*, -*ону* 'зародыш' (во фразеологизме *там йогó й закóну немá* 'нет его там и зародыша', 'нет и следа'). Это слово А. В. Никовский привел в рамках одной статьи вместе с *закón* 'закон', 'исповедание, обряд, предписание религии, обычай' [12, с. 257], для чего даже в период создания первых словарей украинского *литературного* языка не было оснований – как в виду его явного *диалектного* характера, так и по причине того, что *закón* 'зародыш' доносит глубокий семантический

архаизм, в современном А. В. Никовскому языку уже никак не связанный с *закон* в прочих значениях. Поэтому его должно воспринимать как омоним и выделять в самостоятельную дефиницию. Однако же, объединив 'зародыш' с прочими значениями, А. В. Никовский проявил тонкое чутье семантики и даже этимологическую прозорливость, т. к. усмотрел общую семантическую основу 'зародыш' & 'закон' и их генетическое единство.

Чтобы прояснить генезис древнего значения 'зародыш', нужно обратиться к словообразованию *закѡн*, для чего необходима реконструкция его отношений с производящим глаголом, ибо, хоть этот последний и существует в современных славянских языках, его формальная связь с *закѡн* во всех значениях давно разорвана и стёрта. Речь идет о глаголе **za-čęti* 'зачать' (др.-рус. Прѣжде даже не зачатъся въ чрѣвѣ отроча [19 (1, с. 958)], серб., хорв. *zачѣти* 'зачать', 'забеременеть': «Ребека ... заче у утроби својој» [17, с. 578]), 'положить в основу', откуда производное (а в позднейшую эпоху – соотносительное) имя **za-konъ* 'зародыш (= зачатое)' и 'окончательно установленное (= вековой обычай, обряд, правовое предписание)'. Авторы ЕСУМ просто ограничиваются констатацией связи диал. *закѡн* = посл. **zakonъ* 'начало' с **začęti* [6 (2, с. 227)]. Но соотношение **za-čęti* ~ **za-konъ* в точности повторяет отношения в реликтовой паре **čęti* ~ **konъ*, где просматривается ещё дославянская словообразовательная связь – и.-е. **ken-* 'зачинать, закладывать в основу' > **konos* 'начало', 'зачаток'. Стало быть, для праславянского корректнее говорить о соотносительности, нежели о деривации в названной паре. Как и в случае с **čiti* (**k^uej-*) ~ **kojъ* (**k^uojos*), **po-čiti* ~ **po-kojъ*, тут результаты первой палатализации затемнили производность **(za-)konъ*, т. к. в новых фонетических условиях от глагола с начальным *č-* в корне невозможен девербатив с

корневым *k-*. Но корреляция «глагол **(za-)čęti* : имя **(za-)konъ*», видимо, ещё долго была актуальной.

Интересное рус. диал. новг. *закон* как слово в считалке, дающее право тому, кто его первым произнес, начинать игру вторым (*кон ... закон ... трети ...*) [18 (10, с. 149)], имеет тот же корень, но более поздний возраст и отличия в словопроизводстве, будучи лексикализованной словоформой *за кон* 'после *кона* (= *первого*), за *коном* (= *первым*)'.

7. Уст. укр. *казна́* 'государственная сокровищница, деньги', рус., блр. *казна́*, наравне с болг. *хазна̀*, серб., хорв. *(h)àzna* 'сокровище', согласно существующей традиции, отнесены к тюркским заимствованиям; источником считаются тур. *hazine (hazne)* 'казна, сокровище', крым.-тат. *хазна* 'то же' и под. [20 (2, с. 160); 6 (2, с. 342)]. Однако устоявшееся, удобное во всех отношениях сравнение с тюркскими формами верно лишь для южнославянских слов, явно воспринятых из турецкой речи. По соображениям культурно-исторического свойства для восточнославянских примеров более правдоподобен иранский прототип, фонетически близкий арабизированной форме классического персидского слова *hazina* 'сокровищница', распространенного в живых иранских языках, или парф. *gzn [gazn]* 'сокровище, богатство', согд. будд., ман., хр. *үzn [үazn]* 'то же' [16 (3, с. 259)] с оглушенным анлаутом (диал. **kazn*). Ср. замечание о различных фонетических вариантах указанного слова, порожденных его заимствованиями по цепочке из одного иранского языка в другой [16 (3, с. 258)]. На Русь этот термин имущественной сферы был принесен восточными купцами по Волжско-Каспийскому торговому пути, связавшему Персию с русскими землями.

8. Лемк. *масэса* 'вялая, медлительная женщина' в [6 (3, с. 406)] дается с пометой «неясное», его связи не устанавливаются. Однако слово не изолировано в славянском, формируя изоглоссу с рус. арх.

масóса (насмешл.) ‘ребенок, который сосет палец’, 1885 г. [18 (18, с. 15)]. Оба продолжают псл. *ma-sъsa – сложение *sъsa, рус. киров. *сóса* ‘прозвище человека, имеющего привычку сосать пальцы’ [18 (40, с. 39)] (< *sъsati ‘сосать’) с архаичной приставкой **ma-*. Ср. *ma-klenъ < *klenъ ‘клен’ [21 (17, с. 139)], рус. диал. *ма-тёпа* ‘неповоротливый, медлительный человек’ ~ *тёпа* ‘то же’, *ма-жора* ‘человек, который обладает плохим аппетитом, мало ест’ и др. [15, с. 33, 37]. История лемк. слова показывает фонетическое развитие *ъ > *e*, как в случае с *дёнце* ‘сопилка с донышком’, диал. *дённица* ‘доска в дне телеги’, *одёнок* ‘стожок на деревянной подстилке’ и др. < *dъno [6 (2, с. 95–96)] и пр. Переосмысление ‘сосущий палец’ → ‘медлительный’, ‘вялый’ сродни известному рус. ‘жевать (сопли)’ → ‘медлить’.

9. Н.-поднепр. *сапетон* ‘кисель из бузины’, ‘дурачок’ в [6 (5, с. 179)] снабжено пометой «неясное». Между тем, имеем случай деонимизации: *Сапетон*, *Сапитон* (ср. аналогичные совр. фамилии) – народная форма крестного имени *Капитон*, которая перешла в разряд апеллативов и стала диалектным термином кулинарии. Ровно такую же ситуацию показывает рус. диал. ряз. *иванец* ‘пиво особого изготовления; бражка’ [18 (12, с. 55)] < *Иван-ец*. Сложно судить об условиях перехода, но предположительно *сапетон* получил своё название в честь Святого Капитона (нар. *Сапетон*): в некоторых этнографических ареалах кисель был традиционным блюдом, приготовляемым в дни поминовения Всех Святых, среди которых могли особо выделять Капитона. Вторая семема ‘дурачок’ также являет пример перехода антропонимов в апеллативы, но уже в категорию названий лиц по интеллектуальному признаку: *Сапетон* > *сапетон* ‘дурачок’. Он типичен, в частности, для лексико-семантической системы говоров Нижнего Поднепровья, где отмечены: *альóша* ‘олух, дурак’ из местного разговорного варианта календарного *Олексій*; *хомá*, *хóмка* ‘глуповатый, мужчина (мальчик), простачок’ <

Хомá, Хóмка; хаврóня, хівря ‘простушка’, восходящие к русской и украинской сокращенным формам крестного *Феврóня*, укр. *Феврóня*, *Феврóня* (разг. *Хівря*) и пр. Подробнее о них см.: [8, с. 30–31; 9, с. 88].

10. Черниг. *чукірни, чукірний* ‘чудной’ (*чукірна пѣсьня*) [11, с. 130]. В ЕСУМ предлагается следующая трактовка: «Не совсем ясное; возможно, возникло на основе заимствованного немецкого глагола *schockieren* ‘шокировать’» [6 (6, с. 352)]. Нереалистично. Установить генезис слова можно при правильном понимании его словообразовательной структуры, а она лежит вне пределов морфологии немецкого слова. Для славянской этимологии черниговский локализм имеет ценность как свидетельство бытования в праславянском рефлекса и.-е. **k^uer-* ‘делать’ с корневым *o*, тогда как обычно говорят о псл. **čar-*, обобщившем производный, именной вокализм корня *ē* (глагол **k^uer-* > имя **k^uēr-*) в **čara* ‘чары’, ‘колдовство’ и его дериватах **čarati, *čariti* (caus.) ‘колдовать’, **čarovati* и др. (см. о них: [21 (4, с. 22–27)]). Как и **čar-* (**k^uer-* > **k^uēr-*), псл. **kor-* доносит остаток старых, дославянских отношений в глагольно-именной паре **k^uer-* > **k^uor-*. Видимо, нужно исходить из содержащего корень **kor-* праславянского сложения adj. **korьnъ* (укр. *o* > *i* в новозакрытом слоге) с местоименным преф. **če-*, т. е. **če-korьnъ* ‘что-то странное’ (с частым в славянской диал. речи развитием *че-* > *чу-*, о чем см. ниже). Развитие семантики ‘чудной’ (= ‘странный’, ‘чудно сделанный’) из ‘чудный’, ‘чудесный’, ‘колдовской’ не нуждается в специальном обосновании (ср. хотя бы семантику вариантов рус. *чудной* и *чудный* < *чудо*).

11. Закарп. *чумак* ‘пустая капуста, которая не свивается в головку’. В ЕСУМ оставлено без толкования: «Неясно» [6 (6, с. 354)]. Полагаем, здесь отразилось старое производное от псл. **čitъ* (: слвц. *čít* ‘верхушка, вершина’, словин. *čit* ‘желоб’, серб., хорв. диал. *číta* ‘узел на верхнем конце палки’ [21 (4, с. 133)]), т. е. **čit-акъ*, чья семантика ‘пустая капуста’ реализует ту же идею полого корпуса растений, что и

словин. *čum* 'желоб' = 'труба из древесного ствола'. Праславянский возраст лексемы весьма вероятен ввиду отсутствия в укр. диалектах производящего *чум. Напротив, полесские говоры, как и закарпатские, также сберегли только производное, ср. волын. *чумák* 'куча веток, лесного мусора', 'хворост, прутья' [4, с. 143]; семантически оно коррелирует со слвн. *čum* 'куст' [21 (4, с. 133)], как часть (ветки, прутья) от целого (куст). Эта же словообразовательная модель использована еще в одном «растительном» термине *kuj-akъ > укр. *киях* 'кисть, початок кукурузы' [21 (13, с. 255)].

12. Диал. зап. *чупірда́ти* '(о ребенке) медленно неуверенно ходить', определенное в ЕСУМ как «не совсем ясное; возможно, экспрессивное образование на основе глаголов диал. *чуп(ати)* 'хромать', (*шп)óртати(ся)* 'спотыкаться' и под.» [6 (6, с. 356)]. На наш взгляд, сомнительно. Сложно говорить об экспрессивности образования, если, конечно, не зачислять в разряд экспрессивных все глаголы для обозначения детской походки (медленная/неуверенная или быстрая). Впрочем, в семантике слова ощущается некая оценочность, т. к. местоименная приставка *чу-* < **че-* (а именно она начинает слово) всегда придает оттенок оценочности именам и глаголам, к которым он присоединяется. Мы имеем дело с осложнением префиксом **če-* глагольной основы, представленной в *pyrditi 'вить', 'перематывать' (ср. (вторичное) рус. диал. *пердя́ть* 'перематывать (пряжу)' [7, с. 16–18]). Значение 'медленно неуверенно ходить', таким образом, может быть понято как употребленное образно 'свивать, заплетать(ся)', видимо, в составе утраченного устойчивого словосочетания, подобного рус. *ноги заплетаются* = *медленно, устало, неуверенно идти*. Отсутствие в укр. вокабулярии беспрефиксного глагола косвенно указывает на древность глагола *če-pyrdati.

Несколько слов о звуковой стороне этимологии. Гласный *у* в префиксе вторичен к *е*, и надо сказать, что облик исторического **ще-* в диалектах восточных славян – это не только *че-* или *ча-*, но и нередко *чу-*, ср. укр. *чу-лiндá*, блр. *чу-лiнда* ‘неопрятный’, ‘неуклюжий’ [9, с. 94–95], рус. *чу-пырзик* ‘малыш’, *чу-мазый* ‘замарашка’ при *ко-че-маз* ‘то же’, *чу-ка-резнуть* ‘ударить, выпить’ и пр. [15, с. 35, 36]. Что касается *і* в корне на месте этимологического *ь, то это одна из форм его реализации внутри группофонемы *tyrt*, ср. случаи: *dьrznōti > словин. *zírznóyc* ‘осмелеть’, *dьržati > блр. диал. *дзіржаць* ‘держать’ [21 (5, с. 227–228, 230–231)] и др.

13. Диал. *чутімі* ‘густеть’. В ЕСУМ: «Очевидно, результат контаминации глаголов *густімі* и *чутімі*» [6 (6, с. 359)]. Однако какие же имеются семантические основания для такого вывода? В статье, посвященной *чутімі*, об этом ничего не сказано. Между тем, эти слова не имеют общей семантической основы, и едва ли между ними может быть какая-либо смысловая ассоциация, способная в итоге привести к контаминации. Выскажем догадку о сохранности псл. *čutěti, имеющего antecedent *teytētej – глагол состояния, возникший в гнезде и.-е. **teu-* ‘набухать, пухнуть’. Семантическая эволюция ‘пухнуть, набухать’ → ‘густеть, сгущаться’ отчетливо прослеживается в гомогенной лексике балтийских языков, где и.-е. этимон **teu-* с иной аффиксацией и огласовкой имеет следующие продолжения: лит. *tunėti*, *tunù* ‘толстеть, твердеть’ и ‘густеть’, *tunùs* ‘густая (о каше), мутная (жидкость)’ [26, с. 699: к и.-е. **teu-* ‘набухать’], лит. *tumėti* ‘сгущаться’, ‘(за)густеть’, лтш. *tumēt* ‘сгущаться’ [27, с. 332; 24, с. 440; 25, с. 261; 26, с. 694] и др.

Некоторые выводы. Исходя из содержания этимологических этюдов, логично сделать несколько обобщений. 1. Славянская диалектная лексика (даже в рамках небольшой выборки из вокабулярия разных говоров) обнаруживает массу архаичных особенностей, дающих

основания возвести её к древнейшему (праславянскому) слою славянских языков (*відь, віра, віритися, масéса, чукірни(й), чумак, чупірдáти, чутіти*). 2. Семантика хорошо знакомой этимологам древней лексики в диалектной среде удерживает пережитки старой системы смысловых отношений, сложившихся в эпоху славяно-иранских языковых контактов (закарп., бойк. *бог*, поднепр. *закон*). 3. Пути, прототипы заимствований из неславянских языков могут и должны уточняться с учетом введения в практику этимологии новых фактов (вост.-слав. *казна́*). 4. Диалектная лексико-семантическая система славянских языков выработала любопытную черту – деонимизацию крестных (христианских, календарных) антропонимов, причем семантический диапазон новообразованных имен нарицательных оказывается ограниченным характеристикой внешних признаков человека или его интеллектуальных свойств (*сапетóн*).

Литература:

1. Абаев, В. И. (1958–1989). *Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I–IV*. Москва ; Ленинград, Изд-во АН СССР, Наука.
2. Варбот, Ж. Ж. (1984). *Праславянская морфонология, словообразование и этимология*. Москва, Наука.
3. Грицак, М. А. (2017). *Матеріали до словника українських говірок Закарпатської області. Випуск 1 : А–Б*. Київ, КММ.
4. Данилюк О. К. (2013). *Словник народних географічних термінів Волині*. Луцьк, Вежа-Друк.
5. Дукова, У. (2015). *Наименования демонов в болгарском языке*. Москва, Индрик.
6. *Етимологічний словник української мови, 1982–2012* (за ред. О. С. Мельничука). Т. 1–6. Київ, Наукова думка.

7. Илиади, А. И. (2017). Этимологические заметки по славянской лексике. 65–77. *Studia semasiologica*. Кіровоград : РВВ ЦДПУ ім. В. Винниченка, 3–25.
8. Илиади, А. И. (2017). Праславянские архаизмы в словаре украинских говоров Нижнего Поднепровья (этимологические заметки). *Studia semasiologica*. Кіровоград : РВВ ЦДПУ ім. В. Винниченка, 26–45.
9. Илиади, А. И. (2019). *Miscellanea etymologica: Slavica. Paradigm of Knowledge*. №4(36), 81–102.
10. Кривульченко, А. І. (2011). *Водні об'єкти Кіровоградської області*. Кіровоград, Імекс.
11. Курило, О. (1928). *Матеріяли до української діалектології та фольклористики*. Київ, ВУАН.
12. Ніковський, А. (1927). *Словник українсько-російський*. Київ, Горно.
13. Онишкевич, М. Й. (1984). *Словник бойківських говірок. Частина перша: А–Н*. Київ, Наукова думка.
14. ОС (1998). *Огледна свеска*. Београд : Институт за српски језик САНУ.
15. Петлева, И. П. (1996). Архаические префиксы в русских говорах. *Этимологические исследования*. Вып. 6. Екатеринбург, Б. и., 31–38.
16. Расторгуева, В. С., Эдельман Д. И. (2000–2015). *Этимологический словарь иранских языков. Т. 1–5*. Москва, Восточная литература.
17. Речник (1969). *Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књига VI*. Београд, Институт за СЈ.
18. *Словарь русских народных говоров, 1965–2016* (под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова). Вып. 1–51. Ленинград, Наука.
19. Срезневский, И. И. (1893). *Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I*. Санкт-Петербург, Типогр. Императорской АН.
20. Фасмер, М. (1986). *Этимологический словарь русского языка* [пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева]. Т. II. Москва, Прогресс.

21. *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*, 1974–2018 (под ред. О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева). Вып. 1–41. Москва, Наука.
22. *Этимологический словарь тюркских языков* (1989). *Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й»*. Москва, Наука.
23. Bělič, J., Kamiš A., Kučera K. (1978). *Malý staročeský slovník*. Praha, Státní pedagogické nakladatelství.
24. Karulis, K. (1992). *Latviešu etimoloģijas vārdnīca. T. II*. Rīga, Avots.
25. Mühlenbachs, K. (1932). *Lettisch-deutsches Wörterbuch [redigiert, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin]. Band IV*. Riga, Herausgegeben vom lettischen Bildungsministerium.
26. Smoczyński, W. (2007). *Lietuvių kalbos etimologinis žodynas*. Vilnius, Vilniaus universitetas.
27. Trautmann, R. (1923). *Baltisch-Slavisches Wörterbuch*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht.

References:

1. Abaev, V. I. (1958–1989). *Istoriko-ètimologičeskij slovar' osetinskogo âzyka* [Historic-Etymological Dictionary of Ossetian Language]. T. I–IV. Moskva ; Leningrad, Izd-vo AN SSSR, Nauka [in Russian].
2. Varbot, J. J. (1984). *Praslavijskaâ morfonologiâ, slovoobrazovaniê i ètimologiâ* [Proto Slavic Morphonology, Derivation and Etymology]. Moskva, Nauka [in Russian].
3. Gritsak, M. A. (2017). *Materialy do slovnyka ukrajins'kykh hovirok Zakarpats'koyi oblasti*. [Materials for the Dictionary of Dialects of Transcarpathia]. Vyp. 1 : A–B. Kyiv, KMM [in Ukrainian].
4. Danyl'uk O. K. (2013). *Slovnyk narodnykh geografichnykh terminiv Volyni* [The Dictionary of Folk Geographical Terms of Volyn']. Luts'k, Vezha-Druk [in Ukrainian].

5. Dukova, U. (2015). *Naimenovaniâ demonov v bolgarskom âzyke* [Names of Daemons in Bulgarian Language]. Moskva, Indrik [in Russian].
6. *Etymologichny slovnyk ukrayins'koyi movy, 1982–2012* (za red. O. S. Mel'nychuka) [An Etymological Dictionary Of The Ukrainian Language]. T. 1–6. Kiyiv, Naukova dumka [in Ukrainian].
7. Iliadi, A. I. (2017). Ètimologicheskie zametki po slav'anskoy leksike. 65–77 [Etymological Notes on Slavonic Vocabulary. 65–77]. *Studia semasiologica*. Kirovograd, RVV CDPU im. V. Vynnychenka, 3–25 [in Russian].
8. Iliadi, A. I. (2017). Praslav'anskiê arkhaizmy v slovare ukraïnskikh govorov Nizhnego Podneproviâ (ètimologicheskiê zametki) [Proto-Slavonic Archaisms in the Vocabulary of Ukrainian Dialects of Low Dnieper River (Etymological Notes)]. *Studia semasiologica*. Kirovograd, RVV CDPU im. V. Vynnychenka, 26–45 [in Russian].
9. Iliadi, A. I. (2019). Miscellanea etymologica: Slavica. *Paradigm of Knowledge*. №4(36), 81–102 [in Russian].
10. Krivul'chenko, A. I. (2011). *Vodni obêkty Kirovohrads'koyi oblasti* [Water Bodies of Kirovograd Region]. Kirovograd, Imeks.
11. Kurylo, O. (1928). *Materialy do ukrayins'koyi dialektologiyi ta fol'klorystyky* [Materials for Ukrainian Dialectology and Folkloristics]. Kiyiv, VUAN [in Ukrainian].
12. Nikovs'kiy, A. (1927). *Slovnyk ukrayins'ko-rosiys'kiy* [Ukrainian-Russian Dictionary]. Kiyiv, Gorno [in Ukrainian].
13. Onyshkevych, M. Y. (1984). *Slovnyk boykivs'kykh hovirok. Chastyna persha: A–H* [The Dictionary of Boyki's Dialects]. Kiyiv, Naukova dumka [in Ukrainian].
14. OS (1998). *Ogledna sveska* [Sample Release]. Beograd : Institut za srpski jezik SANU [in Serbian].

15. Petleva, I. P. (1996). *Arkhaicheskiê prefiksy v russkikh govorakh* [Archaic prefixes in Russian Dialects]. *Ètimologicheskiê issledovaniâ* [Etymological Studies]. Vyp. 6. Èkaterinburg, B. i., 31–38 [in Russian].
16. Rastorgueva, V. S., Èdel'man J. I. (2000–2015). *Ètimologicheskii slovar' iranskikh âzykov* [Etymological Dictionary of the Iranian Languages]. T. I–V. Moskva, Vostochnaâ literatura [in Russian].
17. Rečnik (1969). *Rečnik srpskohrvatskog književnog i narodnog jezika* [Dictionary of Serbo-Croatian Literary and Folk language]. Knj. VI. Beograd, Institut za SJ [in Serbian].
18. *Slovar' russkikh narodnykh govorov, 1965–2018 (pod red. F. P. Filina i F. P. Sorokoletova)* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vyp. 1–51. Leningrad, Nauka [in Russian].
19. Sreznevskiy, I. I. (1893). *Materialy dl'a Slovar'a drevnerusskogo âzyka* [Materials for the Dictionary of Old Russian Language]. T. I. Sanct-Peterburg, Tipogr. Imperatorskoy AN [in Russian].
20. Vasmer, M. (1986). *Ètimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Russisches etymologisches Wörterbuch]. Bd. II. Moskva, Progress [in Russian].
21. *Ètimologicheskii slovar' slav'anskikh âzykov: Praslavianskiy leksicheskiy fond, 1974–2018 (pod red. O. N. Trubacheva i A. F. Zhuravleva)* [An Etymological Dictionary of the Slavonic Languages: Proto-Slavonic lexical stratum]. Vyp. 1–41. Moskva, Nauka [in Russian].
20. *Ètimologicheskii slovar' t'urkskikh yazykov (1989). Obshchet'urkskiê i mezht'urkskiê osnovy na bukvy «Ж», «Ж», «Й».* [Etymological dictionary of Turkic languages]. Moskva, Nauka [in Russian].
23. Bělič, J., Kamiš A., Kučera K. (1978). *Malý staročeský slovník*. Praha, Státní pedagogické nakladatelství [in Czech].
24. Karulis, K. (1992). *Latviešu etimoloģijas vārdnīca. T. II.* Rīga, Avots [in Latvian].

25. Mühlentachs, K. (1932). *Lettisch-deutsches Wörterbuch [redigiert, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin]. Bd IV.* Riga, Herausgegeben vom lettischen Bildungsministerium.
26. Smoczyński, W. (2007). *Lietuvių kalbos etimologinis žodynas. T. I.* Vilnius, Vilniaus universitetas [in Lithuanian].
27. Trautmann, R. (1923). *Baltisch-Slavisches Wörterbuch.* Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht.

IV. ART AND ART CRITICISM

DOI 10.26886/2520-7474.2(40)2020.8

UDC: 784.9

THE SPECIFICS OF ASSIMILATING THE BASIC SKILLS OF VOCAL ART BY BEGINNING PUPILS

Yana Hulei

Hadyach District State Administration, Gadyach, Ukraine

<http://orcid.org/0000-0001-6303-9904>

yanonaggano@gmail.com

N. I. Horbachyk, teacher-methodologist

I. P. Kotlyarevsky Hadiach Culture and Arts College, Gadyach, Ukraine

Vocal art is at the forefront of the Ukrainian musical arts and is an effective means of music and aesthetic education and development of the younger generation, which is organically linked to Ukrainian song culture. The article describes the content of the concept of “vocal skills”: singing posture, breathing, sound generation, connection of sounds, diction; the pedagogical aspect of formation, acquisition and assimilation of vocal skills by beginning pupils is covered, the typical difficulties in assimilating vocal skills and